

УЗНАЙ МОСКВУ

**Исторические
портреты московских
достопримечательностей**

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

.....
**УЗНАЙ
МОСКВУ**

**Исторические
портреты московских
достопримечательностей**

 ЭТЕРНА
2018

УДК 94 (470-25)

ББК 63.3 (2)

В19

Серия «История — это интересно!» основана в 2009 году

Дизайн — Александр Зарубин

Васькин А.А.

В19 Узнай Москву: Исторические портреты московских достопримечательностей. — М.: Этерна, 2018. — 504 с.: ил. — (История — это интересно!).

ISBN 978-5-480-00348-2

Знаем ли мы Москву? Немало тайн и секретов хранят дома и улицы нашей столицы. В новой книге известного писателя и историка Александра Васькина они сами расскажут нам свою яркую биографию. Это книга-экскурсия, книга-путеводитель. Дворец Юсупова и консерватория, университет на Моховой и Елисеевский магазин, Благородное собрание и Ярославский вокзал, гостиница «Москва» и Воспитательный дом, усадьба Измайлово... За каждым из названий — судьбы многих людей: монархов и вельмож, архитекторов и художников, писателей и ученых, артистов и меценатов, исторических личностей и простых обывателей. Книга погружает читателя в глубины отечественной истории и культуры, читается легко и интересно.

УДК 94(470-25)

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-480-00348-2

© А.А. Васькин, 2018
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1 Дворец Юсуповых — драгоценная шкатулка, приносящая несчастье 11

Сокольничий охотничий дворец для Ивана Грозного — «Ты меня уважаешь? Тогда пей!» — Караси с бараниной, зайцы в лапше, жаворонки с луком, а Кремль на десерт! — Огородная слобода: дедка за репку — Барон Шафиров: от сумы до тюрьмы — Граф Петр Толстой — Палаты Волкова — Проклятие рода Юсуповых: тени богатых предков — Последний екатерининский вельможа Николай Юсупов — Скупой миллионер — А.С. Пушкин: «У Харитонья в переулке» и «Мой Юсупов умер» — Волшебные сады Черномора — Театр Юсупова — Работный дом — Человек с тройной фамилией Юсупов-Сумароков-Эльстон — Клад в старинных палатах: золото-бриллианты и скрипка Страдивари — Подземные ходы древней Москвы — Вавилов и Лысенко: «Живое — почему оно живое? Потому, что оно жреть» — Второе рождение памятника

2 Консерватория. Музыкальные брызги шампанского 75

Екатерина Малая: «Сей лик: И баба и мужик» — Так кто же автор проекта? — Завещание: усадьбу продать, а деньги раздать — Любимый племянник Михаил Воронцов: полумилорд, полукупец — Русское музыкальное общество — Николай Рубинштейн, гениальный самоучка — Естественный отбор талантов — Консерватория как дом родной — Поднос с разорванными вексельми в подарок — Действительный статский советник Василий Сафонов — Стадо ослов и баранов в оркестре — Гривенник как форма поощрения — Мазетти учит Нежданову — Строительство нового здания — Винный магазин в первую очередь! — «Аккорды из московских купцов» — Возрожденное панно «Святая Цецилия» — «Славянские композиторы» — Федор Шляпин — В поисках Генделя и

Глюка — Кино вместо симфоний — Шаламов в буфете — «Конская школа» — Клемперер, великий и ужасный — «Нет ли лишнего билетика?» — Козловский поет, а Плисецкая танцует — Как Шостаковича уволили — Конкурс Чайковского: Ван Клиберн и другие...

3 **Елисеевский магазин. В гостях у княгини Волконской 137**

Статс-дама Екатерина Козицкая — Белосельские-Белозерские: неравный брак — Салон Зинаиды Волконской — Мотылек Пушкин — Граф Риччи и Лунина — Перстень Веневитинова — Рука Аполлона — Жена декабриста Мария Волконская — Николай Волконский: достойный муж своей блистательной супруги — Дары природы: как зимой собрать урожай земляники — С апельсинами на голове — Семейное дело Елисеевых — Винная симфония — «Храм обжорства» — Семейная драма миллионера — После 1917 года: «Продуктов нет! И не будет» — И вновь: «К Елисееву!» — Дефицитное время — Печальная участь Соколова — Дом с привидениями

4 **Московский университет: Латинский квартал на Моховой улице 174**

Тернистый путь российского образования — «Не хочу учиться, а хочу жениться» — По указу императрицы Елизаветы Петровны — Ломоносовский проспект и улица Шувалова — «Что может собственных Платонов...» — Первый меценат России — Открытие университета: почему же все-таки в Москве? — «Гипербола съедает сто пудов сена» — Университет в 1812 году — Жилярди восстанавливает Казакова — Повседневная жизнь студентов — «Мопса старая вступила с обезьяной в старый спор» — Дипломы на продажу — Тютчев, Герцен и Лермонтов — Маловская история — Университет расширя-

ется — «Университетских терпеть не могу!» — После 1917 года: под обстрелом большевиков — Многострадальный храм Св. Татианы — Студенческий театр — Татьянин день: «Вся наша братия пьяна» — Библиотека МГУ и ее сокровища

5 Ярославский вокзал. Феномен русского модерна 252

Катастрофа на вокзале — Бесовские игрища на Каланчевском поле — Иван Мамонтов считает паломников — «Англичанка гадит!» — Первая образцово-показательная паровозная железная дорога — 1862 год. Троицкий вокзал — Чехов уезжает на Сахалин — Савва Мамонтов — Константину Коровину: «Простите моего отца!» — Федор Шехтель, творец неорусского стиля в архитектуре — Новый вокзал: ворота на Русский Север — И опять реконструкция — Картинная галерея в зале ожидания — Колонны Льва Кекушева — «С Ярославского вокзала в ночь уходят поезда...»

6 Ярмарка невест в Благородном собрании 285

Долгоруков-Крымский покоряет Москву — «Сколько странных рож и одеяний!» — Ярмарка невест — Двенадцать болванов — Колонный зал — Пожар 1812 года — Архитектор Бакарев восстанавливает здание — Пушкин приехал! — «Визитеры» — Как подделать членский билет для сестер Гоголя — Лермонтов «среди людского шума» — Маскарад — Старуха Офросимова: воевода в юбке — Дуэль из-за полонеза — «Как денди лондонский одет» — Балы в честь императоров — Знаменитые концерты — Дворянство угощает государя — Долгоруков и московское земское собрание — «Сделать хорошую музыку доступной большим массам публики» — Пушкинский праздник 1880 года — Скиталец: «Вы — жабы в гнилом

болоте!» — Дом союзов вместо Благородного собрания — Похороны Сталина — Большие процессы — «С Новым годом, товарищи!» — Самый длинный шахматный матч: Карпов и Каспаров

7 Гостиница «Москва» и трактиры Охотного ряда 348

«В Москве хорошо едят...» — Отобедать у Печкина — После премьеры — в трактир! — Докучаевская история — Литераторам здесь будто медом намазано — В «Московском» у Гурина — Как дурили клиентов — Коктейль «Лампопо» — Водка «Листовка» под утку с груздями — Музыкальное меню — Ярославцы идут в официанты — «Большой Патрикеевский трактир» Тестова — Поросычья слава и расстегаи — Чехов за столом — «Горячий жар котлет» — В «Русском» у Егорова — Как в старину чай попивали — «Темные аллеи» Бунина — Как один купец блинами подавился — Король расстегаев — Конец трактирной Москвы — «Большая Московская гостиница» Корзинкина — «Гранд-отель» и «Канитель» — Первая советская гостиница «Москва» — Падение архитектора Щусева — Так кто же автор проекта? — А фасад-то разный! — Знаменитые постояльцы «Москвы» — Странная смерть Янки Купалы — Тысяча и одна ночь

8 Воспитательный дом против Наполеона 431

Обитель добра и милосердия — Спасибо Ивану Бецкому — Подвиг Ивана Туголмина — Погромы начались... — В кольце огня — Так кто же испортил пожарные трубы? — Дети тушат пожар — Островок спасения в сгоревшей Москве — Аудиенция у Наполеона в Кремле — Напасти военного времени — Чем кормить людей? — Французы бегут — Долгожданное освобождение — Орден в награду

9 «Село Фонтенбло и его место зело подобно есть селу Измайлову».....455

Не хуже, чем у Людовика XIV — С чего начиналось Измайлово — Возвышение Романовых — Дедушка русского флота на измайловских прудах — Город-сад — Алексей Михайлович сажает яблони — Крыжовник или северный виноград — Переселение народов — Дворец на Измайловском острове — Покровский собор Пресвятой Богородицы — Измайловский зверинец — Голландец рисует племянниц Петра — Царь женится — Зебра для Анны Иоанновны — Измайловский полк — Елизавета Петровна и «ночной император» — Упадок царской вотчины — Николай I учреждает богадельню для ветеранов — По проекту Тона — Визит императора — Арсений Закревский трясет купцов — Бунин: «А как знаменита была когда-то эта вотчина!» — Сталинский Колизей

Список литературы 500

Елисеевский магазин. В гостях у княгини Волконской

Статс-дама Екатерина Козицкая — Белосельские-Белозерские: неравный брак — Салон Зинаиды Волконской — Мотылек Пушкин — Граф Риччи и Лунина — Перстень Веневитинова — Рука Аполлона — Жена декабриста Мария Волконская — Николай Волконский: достойный муж своей блистательной супруги — Дары природы: как зимой собрать урожай земляники — С апельсинами на голове — Семейное дело Елисеевых — Винная симфония — «Храм обжорства» — Семейная драма миллионера — После 1917 года: «Продуктов нет! И не будет» — И вновь: «К Елисееву!» — Дефицитное время — Печальная участь Соколова — Дом с привидениями

Кто в Москве не знает легендарного Елисеевского магазина? Его адрес — Тверская улица, 14 — вот уже более ста лет известен не только москвичам, но и гостям столицы, олицетворяя собою верх изобилия. История самого здания и его владельцев невероятно занимательна. Прежде всего, обратим внимание читателя на то обстоятельство, что переулок, на углу с которым стоит этот дом, называется Козицким. С этой фамилии и началась жизнь особняка на Тверской.

Был у Екатерины II статс-секретарь для «принятия челобитен» Григорий Васильевич Козицкий (1724—1776). Человек европейски образованный, знавший немало языков, после смерти Ломоносова он разбирал его архив, а еще с позволения императрицы издавал журнал «Всякая всячина». Но в один прекрасный день звезда его закатилась, и Козицкий был отставлен. Причиной сего, возможно, было сильное душевное потрясение (чтение «писем трудящихся» требует немалой закалки!). Это же потрясение привело его к преждевременной смерти — он покончил жизнь самоубийством, нанеся себе более тридцати (!) ножевых ран.

**Екатерина
Козицкая.
Фрагмент
портрета
Ф. Рокотова,
1770-е годы**

Его вдова, статс-дама, тоже Екатерина, но Ивановна, Козицкая (1746—1833) была богатейшей женщиной Москвы. Про нее рассказывали такую историю. Как-то раз она припрятала 37 000 рублей ассигнациями и забыла о них, не особо в деньгах нуждаясь. А сумма эта была по тем временам немалая. Нашли деньги лишь через двадцать лет, когда они уже превратились в труху. Через двенадцать лет после трагической смерти мужа она и занялась строительством дома на Тверской. Землю выкупила за 25 000 рублей у князя Ивана Вяземского, деда Петра Андреевича, который потом не раз вздохнет, посещая особняк на Тверской. Купленная Козицкой земля не пустовала — на ней уже стоял незатейливый каменный дом 1776 года постройки.

Новый дом строила Козицкая то ли на деньги, оставшиеся от впечатлительного супруга, то ли, что более вероятно, на унаследованное состояние — отцом ее был богатый симбирский купец и горнозаводчик Иван Семенович Мясников, преставившийся в 1780 году; кстати, Мясников упоминается Пушкиным в «Истории Пугачева» и архивных заготовках к ней. В 1787 году и начались строительные работы по проекту Матвея Казакова. Закончилось строительство после 1791 года. Вслед за тем переулок, выходящий на Тверскую улицу, именованный ранее Сергиевским, стал называться Козицким. Возведенный в стиле классицизма особняк получился шикарным как внутри, так и снаружи. Это был самый богатый дом в приходе храма Св. великомученика Дмитрия Солунского, стоявшего на противоположной стороне Тверской улицы, на месте нынешнего углового дома 17.

Дом Козицкой, слева — церковь Дмитрия Солунского.
Худ. Ф. Алексеев, 1800

Благо, что Отечественная война 1812 года обошла особняк Козицкой стороной, притом что французами был разорен даже дом генерал-губернатора, стоявший напротив, а также Московский университет на Моховой. Профессора последнего и присмотрели дом Козицкой для временного размещения возвратившихся из нижегородской эвакуации студентов и преподавателей. Но контраст между великолепием дома и сгоревшей Москвой оказался настолько сильным, что университетские не решились поселиться в нем. «Только нижний его этаж по простой своей отделке был бы способен для помещения в нем университетских студентов и кандидатов, а второй этаж отделан так богато и убран так великолепно, что никаким чиновникам, а того менее студентам, в оном жить никак не можно, чтоб не испортить штучных полов и штофных обоев, огромных дорогих трюмо и прочее», — отчитывался ректор Московского университета И.А. Гейм.

У Екатерины Козицкой было две дочери: Анна и Александра, невесты с богатейшим приданым. И обеих она выдала замуж с большой выгодой для себя и для их потомства. Александра (1772—1850) стала женой французского эмигранта графа Ивана Лавалья, по имени которого в столице называли знаменитый салон (на Английской набережной). Так одна дочь (купеческая внучка!) стала графиней.

Другая дочь, Анна (1773—1846), вышла замуж за князя и дипломата, вдовца Александра Михайловича Белосельского-Белозерского (1752—1809), получившего за своей женой еще и дом на Тверской. Она стала мачехой его дочерям от первого брака Зинаиде, Наталье и Марии (первая жена князя умерла при родах). Это также был неравный брак. Белосельские вели свою родословную от Рюриковичей, а не от какого-то купца, пусть и скупившего половину Урала. «Спесивое родство видело в этом союзе неравный брак, мезаллианс, ибо на русском языке для того слова еще не существует. А между тем предки отца ее, любимого статс-секретаря Екатерины, умнейшего и просвещеннейшего человека своего времени, Козицкие, русско-украинского происхождения, долго известны были на Волыни своими богатыми владени-

ями, и одна из них, яже во святых Парасковия, была основательницею Почаевского монастыря. Но зато мать ее, тоже преумнейшая женщина, имела несчастье наследовать миллионам дяди своего, купца Твердышева. Богатство родителей с меньшою сестрой разделила Белосельская пополам; но весь ум их ей одной уступила она», — отмечал Вигель¹, видевший Анну Григорьевну «почтенной старухой», которая была скучна и «так чванно пришепetyвала».

Князь Белосельский получил право прибавить к своей фамилии прозвание «Белозерский» благодаря Павлу I в 1799 году. Таковыми должны были стать и все его потомки. В том же году император произвел его в родовые командоры Мальтийского ордена. Впоследствии князь говорил об императоре: «Другие делали худое, он же — худо делал доброе». Помимо дипломатии, князь проявил себя и в гуманитарных науках, за что был избран в почетные члены Императорской академии наук и Академии художеств, а также Российской Академии. Белосельский-Белозерский переписывался с Кантом, послав ему свое сочинение «Дианиология, или Философская картина интеллекта». Книгу издали за границей, в Дрездене и Лондоне, но не в России. Князь, будучи человеком эрудированным и образованным, писал по-французски. Во Франции жили и многие его знакомые. Желая прославить Вольтера, он сочинил и отправил ему стихотворно-прозаическое посвящение, на что получил ободряющий ответ от адресата. А вот что писал князю Руссо: «Выраженные Вами, князь, чувства любви и уважения доставили мне большую радость. Благородные сердца перекликаются, испытывая друг к другу взаимное влечение. Перечитывая Ваше письмо, я говорил себе: немного людей внушают мне такие же ответные чувства». Вредный Вигель называет князя «причудливым», сочиняющим дурные французские стихи. Он также пишет про его «уродливо-смешные произведения на русском и французском языках». Видимо, мемуарист ничего не понимал в философии, да и в других сферах, ибо князь еще и выступил

---

¹ Вигель, Филипп Филиппович (1786—1856) — знаменитый русский мемуарист.

автором пьесы «Олинька, или Первоначальная любовь». Как свидетельствовал Вяземский, пьеса была «приправлена пряностями самого соблазнительного свойства», что привело к скандалу во время ее постановки в домашнем театре Столыпина в Москве. Дело дошло до Павла, но его удалось замять. После женитьбы на Козицкой князь поселился в особняке на Тверской, можно сказать, купаясь в роскоши и богатстве. «Князь Белосельский, — описывает Евграф Комаровский¹, — жил в Москве великолепно; я был у него почти всякий день. Он любил играть комедии и, можно сказать, был мастер сего дела; особливо он играл в совершенстве роль игрока в комедии Реньяра. По некотором моем пребывании в Москве он предложил мне в невесты девицу Бекетову (...), и дабы познакомить меня с сею девицею и с ее родственниками, князь пригласил всех их и меня к себе на обед. Вскоре потом разнесся слух в Москве, что у нас война с Швециею; все гвардейские офицеры, в числе которых и я, находившиеся там, поспешили отправиться к своим полкам. Слух этот оказался неосновательным, и предположения князя Белосельского женить меня на девице Бекетовой не имели более никакого последствия». Белосельский-Белозерский пытался женить своего приятеля графа Комаровского на одной из родственниц своей супруги: «Он советовал мне туда (в Москву. — *А.В.*) приехать, говоря, что у жены его большое родство, в числе которого есть невесты богатые...» Это еще раз подтверждает истину, согласно которой Москва воспринималась как ярмарка невест.

Мужская половина света, как видим, не усматривала в подобных браках ничего зазорного. А вот женская ее часть всячески третировала новоявленных княгинь и графинь. «Княгиня Белосельская, родившаяся и проведшая свою жизнь среди пышной роскоши, всегда выглядела принарядившейся горничной и вызывала смех. Кузина князя Белосельского, княгиня Н.П. Голицына, известная своим высокомерием и

¹ Комаровский, Евграф Федотович (1769—1843) — генерал-адъютант, автор мемуаров о событиях периода 1786—1833 годов.

надменностью, обращалась с ней с едва скрываемым пренебрежением, но была неизменно любезна и приветлива с ее матерью, к которой никто не посмел бы проявить неуважения», — писал князь-эмигрант Петр Долгорукий.

Брак Белосельского-Белозерского и Козицкой длился четырнадцать лет, она родила мужу единственного сына Эспера и двух дочерей — Елизавету и Екатерину. В 1809 году княгиня овдовела. Она подолгу зимами жила в Москве в своем доме на Тверской.

Ее падчерица Зинаида Александровна Белосельская-Белозерская (1789 — 1862) вышла замуж за Никиту Григорьевича Волконского и, поменяв фамилию, стала той самой Волконской, что устроила в особняке на Тверской литературно-музыкальный салон.

Зинаида Волконская — блестяще образованная светская дама, поэтесса и певица. «Все дышало грацией и поэзией в этой необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. Тут же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском Парнасе, ибо все преклонялись пред гениальной женщиной», — вспоминал о Волконской один из постоянных гостей ее салона.

Родившись за границей, в Дрездене, она и умерла за границей — в Риме. Большую часть жизни княгиня провела вне России, но оставила здесь о себе хорошую память. А все благодаря отцу-дипломату, от которого она унаследовала любовь к искусству. Александр Михайлович Белосельский-Белозерский, живо интересовавшийся наукой, литературой, музыкой, живописью, к концу жизни собрал одну из лучших в России коллекций изобразительного искусства, украсившую парадные залы особняка на Тверской. В его дрезденском доме часто исполнял свои произведения Моцарт. Сам Россини высоко отзывался о певческих способностях молодой Зинаиды или, как ее звали, Зизи.

Волконская жила на две страны — Италию и Россию, и стремилась, где бы она ни находилась, создать салонную атмосферу. На ее римской вилле частыми гостями были Гоголь, художники Иванов, Брюллов, Кипренский, Щедрин, Бруни

Зинаида Волконская. Фрагмент портрета О. Кипренского, 1830

(влюбленный в хозяйку живописец изобразил ее на своей картине «Милосердие»). Общение с яркими представителями русской культуры вызвало у Волконской жгучий интерес к русскому искусству и к самой России как объекту европейского культурного влияния.

В 1824 году Волконская поселяется в Москве, на Тверской улице. Выбор Москвы в качестве места жительства определяется ее отношением к старой столице как хранительнице устойчивых национальных традиций — в пик Петербургу. Волконская, пропитанная западной культурой, поглощена высокой идеей привить русскому обществу черты европейской образованности.

«Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Белозерской. По ее аристократическим связям, собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему Меценату и приятно встречали друг друга на ее блистательных вечерах, которые она умела воодушевить с особенным талантом. Страстная любительница музыки, она устраивала у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто. В великолепных залах Белосельского дома, как бы римского палацца, оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы, которые завлекли ее и в Рим», — писал современник.

Салон Волконской, по мысли хозяйки, призван был объединить самых разных представителей московской творческой элиты. Зинаида Александровна принимала у себя и профессионалов, и начинающих, и русских, и иностранцев. Сюда приходили, как выразился Петр Вяземский, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Дом свой, в ожидании исполнения своей мечты — встречи западной и российской культур, княгиня хотела превратить в некое подобие открытого музея европейского искусства. В 1826—1829 годах здесь нередко бывал Александр Пушкин. Да и мыслимо ли представить, чтобы поэт мог быть каким-то образом обойден вниманием честолюбивой хозяйки

знаменитого салона? Не прошло и недели после возвращения поэта в Москву в сентябре 1826 года, как он получает приглашение почтить своим вниманием «римское палаццо» на Тверской. Пушкин пришел. Оказавшись в центре внимания уймы салонного народа, с интересом внимал он Волконской, исполнившей романс «Погасло дневное светило...» на его стихи. Поэт, как писал очевидец, был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. И только...

Чтобы заманить Пушкина в следующий раз в пределы своего салона, Волконская вынуждена была прибегнуть к помощи Вяземского, упрасивая его: «Приходите ко мне обедать в воскресенье непременно, я буду читать кое-что, что, я надеюсь, Вам понравится — если возможно поймать мотылька Пушкина, приведите его ко мне. Быть может, он думает встретить у меня многочисленное общество, как было, когда он приходил в первый раз. Он ошибается, скажите ему это и приведите обедать. То, что я буду читать, ему тоже понравится».

Что могло спугнуть «мотылька Пушкина» в первый раз? Если верить современникам, это могла быть просьба что-нибудь почитать, ведь его часто представляли как «прославленного сочинителя». Вот, например, Степан Шевырев (в будущем он станет учить детей Волконской) пишет: «Будучи откровенен с друзьями своими, не скрывая своих литературных трудов и планов, радушно сообщая о своих занятиях людям, известно интересующимся поэзией, он (Пушкин. — А.В.) терпеть не мог, когда с ним говорили об стихах его и просили что-нибудь прочесть в большом свете. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельные. На одном из них пристали к Пушкину с просьбою, чтобы прочесть. В досаде он прочел “Поэт и чернь” и, кончив, с сердцем сказал: “В другой раз не станут просить”».

Эти слова Шевырева даже дали повод ряду пушкинистов «скорректировать» утверждения о безусловно положительном отношении поэта к салону Волконской. В подтверждение предъясняется письмо Пушкина к Вяземскому около 25 января 1829 года, в котором он пишет о «проклятых обе-

дах Зинаиды». О частых посещениях Пушкиным салона Волконской на Тверской писали многие, в том числе жандармский полковник Бибииков, доносивший об этом «по начальству» в начале ноября 1826 года, ну и конечно, Вяземский, Киреевский и другие.

А помимо Пушкина и перечисленных литераторов бывали здесь Чаадаев, Жуковский, Баратынский, Языков, Загоскин, Погодин... Гостей радовали своим пением не только сама княгиня, но и граф Миньято Риччи и его жена Екатерина Петровна, урожденная Лунина.

Это была колоритная пара. Екатерина Лунина (1787—1886), единственная наследница богатого состояния, еще в детстве обнаружила хорошие вокальные данные. А в 1809 году после окончания Филармонической академии в Болонье она удостоилась звания первоклассной певицы и золотого лаврового венка — редкой награды для вокалистки русского происхождения. С успехом выступала в европейских столицах, пела перед королями и императорами, заслужив, в частности, похвалу Наполеона. Кроме того, она была еще и композитором, играла на арфе и клавесине. А вот красоты Бог ей не дал, наделив Лунину довольно заурядной внешностью. Граф Федор Головкин даже писал о ее «безобразии», способном «обратить в бегство кого угодно». И в то же время это был один из лучших голосов Европы, а его обладательница имела сотысячный годовой доход в приданое. К ней много раз сватались (чуть ли не двадцать три раза), но она всем отказывала, даже испанскому гранду, пока, наконец, сердце Луниной не поразил красивый итальянец граф Миньято Риччи (1792—1877). Он был на пять лет ее моложе — но чего не сделаешь ради денег! Любви все возрасты покорны. Венчались они в 1817 году в Риме, а в Москве супруги жили в усадьбе Луниных на Никитском бульваре.

У Волконской супруги пели нередко дуэтом. «Чудесно поет этот Риччи... Любо слушать мужа с женой. Когда она была брюхата в первый раз, Миттерних сказал ей: "Дети кричат, рождаясь в свет; но я уверен, сударыня, что ваше дитя будет петь!"», — вспоминал Александр Булгаков. А Михаил Бу-

турлин припоминал, что «графиня Риччи славилась когда-то певицей из аматерок первого разряда, но в мое время она была далеко не молода и артистическая звезда ее померкла. Голос, хотя еще обширный, высказывался визгливостью и был не всегда верной интонации. Граф Риччи, десятью, если не более, годами моложе своей жены, был флорентиец без всякого состояния. Певал он с большим вкусом и методом, но басовый голос его был не силен, отчего нельзя ему было пускаться на сцену. Был он превосходный комнатный певец и особенно хорошо певал французские своего сочинения романсы».

Но оказалось, что спелись они не навсегда. Граф Риччи очень хотел вступить в русское подданство, дабы иметь право владеть имениями своей супруги в России. Не сложилось... Осенью 1828 года последовал развод, граф покидает Россию и едет на родину. Вскоре вслед за ним уезжает и Волконская, что сразу сделало ее в глазах света главной причиной развода Луниной и Риччи. Брошенная супругом княгиня осталась в Москве. Жила она уже неподалеку — в Козицком переулке (№ 5), вместе со своей матерью, устроив у себя салон. Баснословные капиталы ее таяли, превращаясь в дымку воспоминаний, что вынудило ее переехать из Москвы в имение своих родственников Прозоровских-Голицыных близ Раменского. Прожила она почти век, но уже в 1845 году жила в крайней бедности. «Она слишком любила пение; эта страсть и была причиной ее разорения», — отмечал современник.

Риччи же продолжал радовать пением Волконскую в Италии. Пробовал он себя и в переводе. Он перевел на итальянский язык стихотворения Пушкина «Демон» и «Пророк». Автору он писал в 1828 году: «Вы... оказываете честь своей дружбой Вашему переводчику и, прежде всего, истинному почитателю Вашего великого гения».

Был у Волконской еще один страстный поклонник — молодой и пылкий Дмитрий Веневитинов, архивный юноша из Кривоколенного переулка. Он посвятил голубоглазой княгине «Элегию»:

*Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огонь в груди моей зажгла.
Но этот огонь томительный, мятежный,
Он не горит любовью тихой, нежной, —
Нет! он и жжёт, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?*

Волконская замолвила словечко за Веневитинова — для него нашлось тепленькое местечко в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Но вот несчастная судьба: останься он в Москве — прожил бы дольше. В ноябре 1826 года при въезде в Петербург Веневитинов был арестован по подозрению в причастности к заговору декабристов. Проведя три дня под арестом, он заболел. После этого в марте, возвращаясь легко одетым с бала, Веневитинов сильно простудился и вскоре умер. «Как вы допустили его умереть?» — передавали современники восклицание Пушкина, узнавшего о смерти двадцатидвухлетнего поэта. Оценив по достоинству чувства молодого поэта, Волконская перед его отъездом из Москвы в один из вечеров подарила

ему на память старинный перстень, найденный при раскопках древнеримского города Геркуланума. Веневитинов решил надеть этот перстень или на свадьбу, или перед смертью. Ему он посвятил стихотворения «Завещание» и «К моему перстню». В последнем он писал:

(...)

Когда же я в час смерти буду

Прощаться с тем, что здесь люблю,

Тебя в прощанье не забуду:

Тогда я друга умолю,

Чтоб он с моей руки холодной

Тебя, мой перстень, не снимал,

Чтоб нас и гроб не разлучал.

Исполняя волю юного поэта, друзья «в час смерти» на его руку надели перстень Волконской. Когда в 1930 году прах переносили на Новодевичье кладбище, будущей женой реставратора Петра Барановского Марией Юрьевной был найден и знаменитый перстень. Он хранится ныне в Литературном музее.

После подавления восстания декабристов круг посетителей салона сильно поредел. Кое-кого сослали в Сибирь. Над Волконской был установлен полицейский надзор. «Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг», — отчитывалось Третье отделение перед своим грозным начальником Бенкендорфом.

Одним из частых посетителей салона Зинаиды Волконской был польский поэт Адам Мицкевич, проводивший в Петербурге и Москве годы своей «почетной ссылки». Ввел его в дом Волконской тот же Вяземский, переводивший сонеты Мицкевича и в 1827 году опубликовавший статью о них в «Московском телеграфе». «Знаменитый польский поэт Мицкевич,

неволею посетивший Москву, был также одним из дорогих гостей Белосельских палат, его “Дзяды” и “Крымские сонеты” очень славились в то время, и он изумлял необычайною своей импровизацией трагических сцен. Общество его было весьма приятно, и мне часто случалось наслаждаться его беседой, в которой не был замечен ретивый поляк, хотя и в душе патриот, но, прежде всего, высказывался великий поэт», — отмечал мемуарист.

Зинаида Волконская пользовалась вполне обоснованной популярностью у мужской половины. Нельзя не процитировать в этой связи пушкинские строки, посвященные ей:

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновенный,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой...*

Однажды в салоне Волконской с этим самым Аполлоном, упомянутым Пушкиным в стихотворении, в перерыве между обедом и чтением произошло вот что. Молодой поэт Андрей Муравьев случайно сломал руку у гипсовой статуи одноименного бога, а затем начертил на пьедестале памятника свой свежесочиненный стишок:

*О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал:
Хотел пожертвовать рукой,
Чтобы остался он с ногой.*

Этими стихами Муравьев тотчас вызвал на себя безжалостный поэтический огонь Пушкина. Вот как сам пострадавший (мы имеем в виду Муравьева, а не Аполлона) рассказывает об этом: «Часто бывал я на вечерах и маскарадах, и тут однажды, по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною, в свое оправдание, на пьедестале статуи, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона».

Один из свидетелей сцены дополняет картину случившегося: «В 1827 году он <Муравьев> пописывал стишки и раз, отломив нечаянно (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона Бельведерского на парадной лестнице Белосельского дома, тут же начертил какой-то акrostих. Могу сказать почти утвердительно, что А.С. Пушкина при этом не было», — писал Бутурлин.

Нельзя с уверенностью утверждать, видел ли сам Александр Сергеевич процесс порчи статуи, но ему совершенно точно об этом рассказали и показали. Досаду Муравьева вызвал не тот факт, что он что-то сломал, а то, что стал объектом эпиграммы со стороны самого «прославленного сочинителя»:

*Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.*

Эпиграмму напечатал «Московский вестник», после чего Пушкин остроумно заметил: «Однако ж, чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN — и белый человек и лошадь».

Тот самый Аполлон Бельведерский

А незадачливый поэт, который, быть может, и останется в истории литературы как человек, удостоившийся пушкинской эпиграммы, поспешил ответить стихотворением «Ответ Хлопушкину»:

*Как не злиться Митрофану:
Аполлон обидел нас;
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.*

Пушкин вряд ли мог обидеться: его как только не обзывали в эпиграммах: Толстой-Американец¹ назвал даже Чушкиным, а теперь вот нарекли Хлопушкиным. А про свое сходство с обезьяной он и сам знал.

Сергей Соболевский, друг Пушкина, успокаивал бедного Муравьева. На его вопрос: «Какая могла быть причина, что Пушкин, оказывавший мне столь много приязни, написал

на меня такую злую эпиграмму?» — Соболевский ответил: «Вам покажется странным мое объяснение, но это сущая правда; у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее, и он обращался ко всякого рода гадалщицам. Одна из них предсказала ему, что он должен остерегаться высокого белокурого молодого человека, от которого придет ему смерть. Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет

---

¹ Толстой, Федор Иванович (по прозвищу Американец; 1782—1846) — известный представитель русской аристократии первой половины XIX века. Путешествовал в Америку, откуда и получил такое прозвище.

его с человеком, имеющим все сии наружные свойства, ему сейчас приходит на мысль испытать: не это ли роковой человек? Он даже старается раздражить его, чтобы скорее искушить свою судьбу. Так случилось и с вами, хотя Пушкин к вам очень расположен».

Далее Муравьев заключал: «Не странно ли, что предсказание, слышанное мною в 1827 году, от слова до слова сбылось над Пушкиным ровно через десять лет». Добавим, что в дальнейшем прозвище «Бельведерский Митрофан» с легкой руки Пушкина закрепилось за Муравьевым. Вот какие любопытные литературные последствия вызвало маленькое происшествие в салоне княгини Волконской на Тверской улице, случившееся в 1827 году.

В воспоминаниях современников остались и другие яркие свидетельства посещения Пушкиным салона на Тверской. Обрусевший француз Лаврентий Николаевич Обер, служивший учителем французского языка в 1-й московской гимназии, рассказывал: «Встречался я с Пушкиным довольно часто в салонах княгини Зинаиды Волконской. На этих вечерах любимую забавою молодежи была игра в шарады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через Аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что он будет изображать "скалу в пустыне". Мы все были в недоумении от такого выбора: живой, остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взобрался на стол и покрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся жезлом (роль жезла играл веер княгини) к скале, Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц. Пушкин соскочил быстро со стола, очутился в минуту возле княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: "Mauvais sujet que vous etes, Alexandre, d'avoir represante de la sorte le rocher!" ("Этакий вы плутишка, Александр, как вы изобразили скалу!" — *фр.*)».

А когда поэта не было в Москве, княгиня писала ему: «Возвращайтесь! Московский воздух как будто полегче. Великому русскому поэту подобает писать или среди раздолья степей, или под сенью Кремля».

В 1820-е годы, по словам Петра Вяземского, «в Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества». Одну из таких замечательных личностей провожали здесь зимним вечером 26 декабря 1826 года в Сибирь. Мария Николаевна Волконская покидала Москву и уезжала вслед за мужем — декабристом С.Г. Волконским, приговоренным к ссылке (кстати, братом мужа Зинаиды Волконской Никиты Волконского). Пушкин не мог не прийти попрощаться. Ведь Марию Волконскую он знал, еще когда она носила девичью фамилию Раевская. Поэт сблизился с семьей Раевских во время их путешествия на Кавказ и в Крым. Марию Волконскую принято называть «утаенной любовью» Пушкина, а с именем ее связывают стихотворения «Редет облаков летучая гряда» (1820), «Таврида» (1822), «Ненастный день потух» (1824), «Буря» («Ты видел деву на скале», 1825), «Не пой, красавица, при мне» (1828), «На холмах Грузии» (1829).

Вид на дом Козицкой со стороны Страстного монастыря. Худ. Шарлемань, сер. XIX века

Вот как сама Мария Волконская писала о том дне в своих «Записках»: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и

добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певиц. Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: “Еще, еще! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!” Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое “Послание к узникам” (“Во глубине сибирских руд”) для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Пушкин говорил мне: “Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках”».

Другой поэт, Николай Некрасов, в своей поэме «Русские женщины» от лица Марии Волконской сочинил следующий рассказ:

*...Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».
Царица московского света,*

*Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...*

Салон Северной Коринны (поэтессы Древней Греции) прекратил свое существование в 1829 году с отъездом Волконской в Италию. В 1830-х годах княгиня с мужем Никитой Волконским жили в одном из самых известных уголков Рима — палаццо Поли, перед фасадом которого расположен знаменитый фонтан Треви с богом Океаном, созданный по эскизам Бернини (каждый день желающие вернуться в Рим туристы оставляют в фонтане в среднем до тысячи евро мелочью!). Княгиня, мечтающая о встрече российской и европейской культур, выбрала для себя не самое плохое место жительства. И как бы ни был хорош особняк на Тверской, с палаццо Поли он все же не выдерживает конкуренции. В Россию она наезжала еще несколько раз, но уже католичкой. Говорят, в 1840 году, приехав, она вдруг вновь захотела вернуться в православие.

Что же касается ее мужа, то в тени своей блистательной супруги он как-то малоприметен — а жаль. Иногда о нем и вообще забывают написать. Мы восполним этот пробел. Никита Григорьевич Волконский (1781—1844) — храбрый русский офицер, обладатель орденов Св. Анны I степени с короной, Св. Владимира II степени, а также золотой шпаги с алмазами. Воевал он и с турками, и с французами. В 1807 году, за четыре года до брака с княгиней Зинаидой, он был произведен в полковники и назначен флигель-адъютантом к Александру I. Вскоре царь решил отрядить его с письмом к «брату своему» Наполеону I, который принял посланца и ласково говорил с ним. Известно, что французский император в той беседе высоко отозвался о русских солдатах: «Им скажи только — иди, и идут, а нашим еще надо толковать, куда их ведут», а также подарил Волконскому перстень с бриллиантом. Во время Отечественной войны Волконский был ранен, после излечения вновь в строю, участник заграничных походов

русской армии, сражается под Люценом, Бауценом и Дрезденом. В 1813 году произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту императора, которого сопровождал в 1815 году на Венский конгресс. Семья ездила с ним: супруга услаждала слух монархов — победителей Наполеона, с нею был и маленький сынок Саша, постреленок четырех лет. Никита Григорьевич был не из тех Волконских, что составили заговор 1825 года (мы имеем в виду его брата). Вот ведь как — в одной семье столь разные люди! После отставки он, как и жена, принял католическую веру и уехал в Рим.

В старости Волконская ударилась в мистику и благотворительность. «Прелаты и монахи окончательно разорили ее... Ее дом, все ее имущество, даже склеп, где лежало тело ее мужа, проданы за долги», — писал современник. Похоронены Волконские в церкви Св. Викентия и Анастасии, что напротив знаменитого фонтана. А потомки Белосельских-Белозерских жили в московском особняке примерно до середины XIX века.

В 1860-х годах в доме на Тверской размещался престижный детский пансион Э.Х. Репмана, от него в начале 1870-х годов здание перешло к Самуилу Малкиелю, поставщику обуви для императорской армии. Коммерции советник, потомственный почетный гражданин, получивший право жить вне черты оседлости, Малкиель разбогател на военных подрядах. Он владел дорогой недвижимостью в обеих столицах. В Москве для переделки дома Волконской он нанял выпускника Императорской художественной академии в Вене архитектора Августа Вебера. В 1874 году фасад здания утратил все приметы «римского палаццо» на Тверской, и в частности классический портик с колоннами. Но роскошный интерьер архитектору все же хватило ума сохранить.

После прогоревшего Малкиеля (подолы для солдатских сапог оказались сделанными из дешевого и недолговечного сырья) дом пошел по рукам. На первом этаже разместился магазин портного Корпуса, на втором — богатые жильцы. Особняком по очереди владели купцы Носовы, Ланины, Морозовы. Но, бесспорно, наиболее известным купцом —

владельцем дома с 1898 года являлся потомственный дворянин Григорий Григорьевич Елисеев (1864—1949), представитель знатной династии Елисеевых, происходившей из крепостных Ярославской губернии.

Дед Григория Елисеева — Петр Елисеевич некогда был садовником в рыбинском имении графа Николая Шереметева, того самого, что женился на крепостной актрисе Прасковье Ковалевой, ставшей Жемчуговой. Так что Елисеевы и Ковалева — одного поля ягоды (да и не Елисеевы они никакие, а Касаткины: Петр Касаткин — так звали садовника). С ягод-то и завязалась вся эта история. Садовник оказался на редкость прытким и деловым. Как-то в году 1812-м, морозною зимою, под Рождество преподнес он своему барину блюдо свежей земляники. Шереметев был ошеломлен: «Откуда взял?! Как?!» Не дождавшись вразумительного ответа, граф объявил садовнику: «Проси чего хочешь за свою землянику!» А тот, не будь дураком, быстро сориентировался: «Хочу — говорит, — Ваше сиятельство, вольную». Шереметев на радостях дал и вольную, и сто рублей в придачу.

Петр Елисеевич, недолго думая, собрал свои неказистые пожитки, прихватил жену и выехал в Петербург. Свое торговое дело он начал на Невском проспекте. Нет, конечно, ста рублей на магазин не хватило. Человек деловой, предприимчивый, он решил покупать оптом заморские фрукты — апельсины — и продавать их поштучно проезжавшим и проходившим мимо него петербуржцам. Вместе с женой они продавали апельсины (по копейке за штуку) с деревянных лотков, умещавшихся на голове. За день можно было выручить целый рубль, а за неделю — наторговать на семь рублей! А что, если продавать апельсины не только с женой, а пристроить к этому делу трех сыновей и младшего брата Гришу? И уже в 1813 году все они были в Петербурге, жили тут же, на Невском, в арендованной для торговли лавке. В том знаменательном году и возникло в столице Товарищество «Братья Елисеевы». Так Петр и Григорий Касаткины решили сохранить память о своем отце — с тех пор и стали они зваться Елисеевыми.

Дела быстро шли в гору. Да и товар для продажи Елисеевы выбрали на редкость удачный — торговать надо тем, чего у нас нет и где конкуренция отсутствует как таковая. Апельсинами и прочими заморскими фруктами торговали уже не сами Елисеевы, а нанятые ими торговцы. Лавки открылись и в других частях города. А Петр Елисеев задумывался над дальнейшим расширением бизнеса: а что, если покупать фрукты не у перекупщиков-оптовиков, а прямо там, где они произрастают? Это какую же прибыль можно получить! Для налаживания международных связей в 1821 году он отправился на остров Мадейру, где перезнакомился с местными виноделами. Как это ему удалось сделать, до сих пор остается загадкой, ибо иностранными языками Елисеев не владел. Тем не менее он быстренько договорился с тамошними виноградарями о поставках вина в Россию.

Надо ли говорить, каков был спрос на колониальные товары, привозимые Елисеевыми из-за границы, особенно на вино? Начав с Мадейры, Елисеевы постепенно объехали всю Европу: Францию, Германию, Италию, Испанию, Португалию, Англию. Вина всех этих стран можно было приобрести в магазине Елисеевых на Васильевском острове. Что же до фруктов — не то что какой-нибудь фейхоа или финик, а даже папайю можно было достать у Елисеевых, превратившихся для петербургских гурманов в поставщика № 1.

Елисеевы завели собственный флот (на нем они добрались до Индии с ее пряностями и приправами), во Франции понакупили подвалов и погребов, где хранили виноград, предназначенный для вывоза в Россию. И кто бы ни стоял во главе фирмы, основным девизом Елисеевых на протяжении нескольких десятилетий был «цена и качество». Все всегда свежее, ни одного гнилого или испортившегося товара, и стоимость приемлемая.

После смерти Петра Елисеева в 1825 году дело возглавил его сын Григорий Петрович, ставший действительным статским советником и гласным Петербургской городской думы, при нем в 1873 и 1874 годах фирма удостоилась золотых медалей на международных выставках в Париже и Лондоне.

Высоко оценили заслуги Елисеевых и на родине, пожаловав в 1874 году специальным императорским указом право ставить государственный герб на упаковке своей продукции.

Сын Григория Петровича, тоже Григорий (этим именем по семейной традиции называли старших сыновей) значительно расширил фамильное предприятие. В Париже, куда он в 1900 году отправил на выставку свою коллекцию вин, фирме присудили золотую медаль «За выдержку французских вин» и устроили обед в его честь в ресторане Эйфелевой башни, а еще наградили орденом Почетного легиона. Григорий Елисеев не только продолжил дело отца и деда, но и увеличил оборот Торгового дома «Братья Елисеевы» в 20 раз. К началу XX века его предприятие завозило в Россию одну четвертую часть всего импортного вина, а кроме того — чай, кофе, прованское масло, сардины, анчоусы, ост-индский сахар, ром, трюфели и всякую всячину.

На долгие годы прилагательное «елисеевский» стало синонимом качества. Когда читаешь классиков русской литературы, создается впечатление, что кроме елисеевских вин в России ничего более и не было. У Достоевского в «Униженных и оскорбленных» читаем: «Ровно в семь часов вечера я уже был у Маслобоева <...>, на маленьком столике, в стороне, тоже накрытом белою скатертью, стояли две вазы с шампанским. На столе перед диваном красовались три бутылки: сотерн, лафит и коньяк, — бутылки елисеевские и предорогие».

Дмитрий Мамин-Сибиряк в повести «Верный раб» пишет: «Хозяин усадил гостей на диван и суетливо бегал из комнаты в комнату, вытаскивая разное барское угощение — початую бутылку елисеевской мадеры, кусок сыра, коробку сардин и т. д.».

«Потом идет крендель, уже классический, котелки, уключины... диск кривится, бутылка нюи с елисеевской маркой (неприменно елисеевский нюи — что же вы еще придумаете более терпкого и таинственного?), пьяницы с глазами кроликов», — читаем в записках у Иннокентия Анненского.

А вот Викентий Вересаев в повести «Два конца»: «Она поставила на стол бутылку елисеевского лафита. И горячая нежность шевельнулась в его душе».

Елисеевский магазин после открытия

Можно было и не ходить к Елисеевым за вином, но не знать об их разнообразии было нельзя. Именно миллионер Григорий Елисеев и открыл на Тверской летом 1901 года большой гастроном для продажи перечисленных вин и деликатесов — «Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных вин». В нем имелось пять отделов: колониально-гастрономических товаров, хрусталя Баккара, бакалейный, кондитерский, фруктовый, копильные и засолочные цеха, а также своя пекарня, выпекавшая вкуснейшие пирожные. Такой же магазин открыли и в Санкт-Петербурге на Невском проспекте, а затем и в Киеве. У Елисеева можно было встретить и хорошо одетого господина, и простолюдина, ибо магазины предназначались не только для богатого сословия, и дня не способного протянуть без оливок и анчоусов, но и для народа попроще, приходящего сюда за хлебом и молоком.

Сметливый Григорий Елисеев с выдумкой подошел к перестройке бывшего дома Волконской. Уже сам процесс строительства он превратил в рекламный трюк. Елисеев приказал

одеть особняк со всех сторон в деревянные леса, что вызвало жгучий интерес у москвичей, мучившихся вопросом: что же здесь все-таки будет, да еще и рядом со Страстным монастырем?

«Идет год, второй, но плотные леса все еще окружают стройку. Москвичи-старожилы, помнившие, что здесь когда-то жили черти и водились привидения, осторожно переходили на другую сторону, тем более что о таинственной стройке шла легенда за легендой. Нашлись смельчаки, которые, несмотря на охрану и стаю огромных степных овчарок во дворе, все-таки ухитрились проникнуть внутрь, чтобы потом рассказывать чудеса:

— Индийская пагода воздвигается.

— Мавританский замок.

— Языческий храм Бахуса.

Последнее оказалось ближе всего к истине.

Наконец леса были сняты, тротуары очищены, и засверкали тысячи огней сквозь огромные зеркальные стекла. Храм Бахуса», — описывал происходящее Владимир Гиляровский.

Перестройкой дома занимался петербургский зодчий Гавриил Барановский, семейный архитектор Елисеевых (есть же семейные врачи, почему бы не бывать и семейным зодчим). Для Елисеевых Барановский построил несколько домов в Санкт-Петербурге. Работая над проектом московского магазина Елисеевых, Барановский так увлекся, что не скрывал от близких — он создает архитектурный памятник самому себе, а не только дворец изобилия. Московские власти препятствий зодчему не чинили, закрывая глаза на увеличение проемов окон, слом перегородок, разрушение одноэтажного домика во дворе будущего магазина.

Отделкой интерьеров вместе с Барановским занимались архитекторы Владимир Воейков и Мариан Перетяткович, в результате чего была окончательно утрачена широкая белораморная лестница, которая вела в салон Волконской. Пострадали и сами апартаменты княгини, сегодня мы лишь мысленно можем представить себе, где именно находился салон: следует подойти к бывшему рыбному отделу и посмотреть вверх.

Туда обычно и устремлялись любители камерного пения и живых картин. На месте апартаментов возник огромный торговый зал, сияющий тысячами огней огромных люстр, бросающих ослепительный свет на затейливые интерьеры стен и ломящиеся от яств витрины и прилавки. Центральный проезд для карет превратился в главный вход в магазин. Летним днем 1901 года деревянный ящик наконец-то показал свою начинку. В прозе и не передать впечатления многих счастливых обладателей пригласительных с золотой виньеткой билетов.

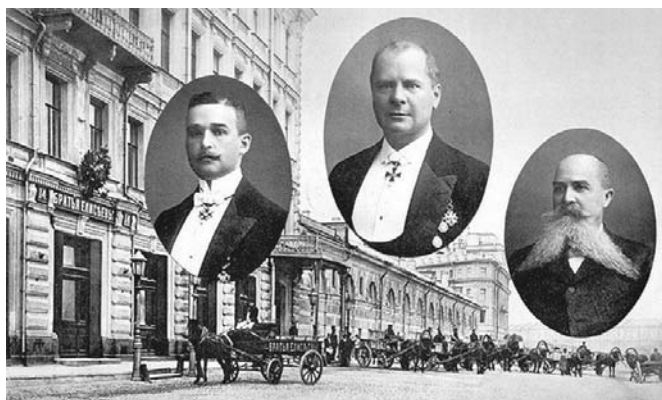
*А на Тверской в дворце роскошном Елисеев
Привлек толпы несметные народа
Блестящей выставкой колбас, печений, лакомств...
Ряды окороков, копченых и вареных,
Индейки, фаршированные гуси,
Колбасы с чесноком, с фисташками и перцем,
Сыры всех возрастов — и чеддер, и швейцарский,
И жидкий бри, и пармезон гранитный...
Приказчик Алексей Ильич старается у фруктов,
Уложенных душистой пирамидой,
Наполнивших корзины в пестрых лентах...
Здесь все — от кальвиля французского с гербами
До ананасов и невиданных японских вишен.*

**Интерьер
магазина**

Стихи эти написал сам Владимир Гиляровский, участник открытия «Храма обжорства». «Елисеевский» (он мог называться и «Касаткинским») сразу стал главным магазином Москвы, задававшим тон всей остальной торговле.

Не обошлось, правда, и без ложки дегтя. Нет, дегтем Елисеев не торговал, просто к нему уже на следующий день после открытия пожаловал местный пристав, которого он почему-то забыл пригласить на открытие магазина. Пристав открыл Америку: вход в Елисеевский магазин, торговавший вином, располагался слишком близко от храма Дмитрия Солунского. В царской России существовало такое правило, согласно которому торговля спиртным не должна вестись ближе определенного расстояния от церквей и храмов (это как сейчас, когда палатки с пивом переносят подальше от школ).

**Директорат
Елисеевского
магазина.
В центре –
Григорий
Григорьевич
Елисеев**

Принципиальный служитель закона дал Елисееву сутки на исправление, иначе магазин закроют. За ночь нанятые Елисеевым рабочие прорубили новую дверь для винного отдела, с переулка. Теперь придраться было не к чему.

А тем временем подрастала новая смена — у Григория Елисеева было шестеро детей, на образование которых он денег не жалел. Правда, старшего сына звали не Григорием, как испокон веку заведено было в семье, а Сергеем. И у него душа к торговому делу не лежала, а интересовали Сергея Елисеева науки. В 1912 году он стал первым европейцем, окончившим Токійский императорский университет, преподавал восточные

языки в Петербургском университете. Но кроме него, слава Богу, было еще четыре сына и дочь. И все вроде бы шло по старому, в лучших елисеевских традициях. Глава династии вправе был ожидать от своих наследников не только уважения и глубокого почтения, но и дальнейшего развития бизнеса, приносящего огромные барыши.

В один день все перевернулось верх дном. Не происки конкурентов сыграли злую шутку с любвеобильным Григорием Елисеевым, а тяжелая семейная драма. 1 октября 1914 года жена его Мария Андреевна повесилась на косе, не выдержав переживаний от плохо скрываемой измены мужа. А ведь она с 1896 года была еще и компаньонкой супруга в Товариществе «Братья Елисеевы».

Не прошло и месяца, как Григорий Елисеев обвенчался с полюбивницей. Прознав об этом, сыновья прокляли отца и дали зарок отнять у него единственную дочь Марию, что в итоге и сделали. Девочку выкрали среди бела дня по пути из гимназии домой. Теперь потомственный дворянин Елисеев остался один как осенний лист. А репортерам только этого и надо — наперебой описывали московские и петербургские газеты подробности произошедшего, смакуя детали и обсуждая подробности. Желтая пресса — она и есть желтая. И уже не магазины Елисеева были главным объектом журналистских статей, а исключительно его личная жизнь и война с сыновьями. Написали и о попытках Елисеева судиться с похитителями, но куда там — дочь сама заявила, что жить с родным папашей не желает. В 1914 году он уехал из России. А тут как раз 1917 год подоспел. Еле успел Елисеев унести ноги, бросив все — и магазины, и шоколадную фабрику, и пивной завод «Новая Бавария», и конные заводы, и автомобильную фабрику — было что оставить на память победившему пролетариату. Понаехавшая в Москву солдатня с открытым ртом взирала на роскошества Елисеевского магазина на Тверской, потому как более смотреть было не на что — после Октябрьского переворота куда-то подевались все товары. Кому-то могло показаться, что продукты забрал с собою в Париж Елисеев.

Как вспоминала Н.В. Крандиевская, вторая жена писателя Алексея Николаевича Толстого, весной 1918 года в Москве весьма сильно ощущался продовольственный голод, и вот, когда прислуга, вернувшись с рынка, объявила, что провизии нет и не будет, Толстой очень удивился: «То есть как это не будет? Что за чепуха? Пошлите к Елисееву за сосисками и не устраивайте паники». Но выяснилось, что двери магазина Елисеева на Тверской улице закрыты наглухо и висит на них лаконичная надпись: «Продуктов нет» («И не будет», — написал кто-то сбоку мелом).

Уехав в эмиграцию, Григорий Григорьевич сохранил себе жизнь, он прожил 84 года и упокоился в 1949 году на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Его сын Сергей прожил 86 лет, он стал крупным востоковедом, преподавал в Сорбонне, удостоился, как и отец, ордена Почетного легиона, только не за лучшие вина, а за научные достижения. Два его сына Никита и Вадим — внуки Григория Григорьевича — также стали востоковедами. Они участвовали в движении Сопротивления, а Вадим Сергеевич Елисеев внес бесценный вклад в развитие французской культуры. С 1956 года он служил главным хранителем художественных и исторических музеев Парижа, неоднократно бывал в СССР и России. Во время своих приездов в Москву Вадим Елисеев нередко останавливался в гостинице «Националь» и любил прогуляться по улице Горького. В 1970-е годы интеллигентного мужчину с повязанным по-французски шарфом на шее не раз видели продавцы магазина. Он производил странное впечатление: по виду — иностранец, а говорил по-русски, ничего не покупал, лишь смотрел на оставшиеся не тронутыми с давних времен интерьеры Елисеевского.

Отказавшиеся от наследства другие сыновья также не захотели связывать свою жизнь с коммерцией. Николай, получив юридическое образование, работал адвокатом, умер в эмиграции. Григорий (врач) и Петр (инженер) остались в СССР, стали жертвами репрессий. Лишь Александр дожил до 1953 года.

**Торговая марка
Елисеевского магазина**

**Отдел колониально-
гастрономических товаров**

**Внутренний вид
магазина**

**Бакалейный отдел
магазина**

Сейчас потомки Елисеева живут во Франции, Швейцарии, Америке. Среди них по-прежнему нет ни одного коммерсанта... Они старательно ухаживают за могилами Николая Григорьевича и Сергея Григорьевича на Сен-Женевьев-де-Буа. А место упокоения Григория Григорьевича со второй женой выглядит совершенно заброшенным. Потомки его так и не простили...

Несмотря на то что особняк на Тверской принадлежал Елисеевым лишь до 1917 года, в дальнейшем предназначение дома не изменилось (хорошо покушать хотелось и после Октябрьского переворота). В советские времена магазин был известен как гастроном № 1, а в народе его все равно называли Елисеевским. Старожилы любили говаривать: «Зайду к Елисееву».

Правда, доступным для простых советских людей этот магазин стал только в последние десятилетия Советской власти. Дело в том, что долгое время Елисеевский был открыт только для иностранцев и представителей номенклатуры, затем рамки расширили. Сюда стали пускать и тех, у кого были советские деньги. Но число таких покупателей было невелико, так как и до войны, и несколько лет после в СССР была карточная система.

Но все же в Елисеевском всегда можно было если уж не купить дефицитные продукты, то хотя бы посмотреть на них. Поддержка приятельских (а лучше — дружеских) отношений с работниками сферы торговли была основным условием доступа к дефицитным продуктам. Директора центральных магазинов Москвы не испытывали нужды в друзьях. Приемная директора гастронома № 1 на улице Горького (в народе все равно оставшегося Елисеевским) с утра до ночи была полна посетителями — узнаваемыми артистами театра и кино, звездами эстрады, писателями, спортсменами, даже космонавтами. Большие начальники сами не приезжали — присылали шоферов, складывавших коробки со всякой всячиной в багажники персональных черных «волг».

Директор магазина «Отличник советской торговли» Юрий Соколов вел себя так, будто ничего со времен Елисеевых не изменилось. Они-то в 1901 году открывали свой «храм обжорства» как магазин колониальных товаров, но и Соколов похотейски чувствовал себя в их кабинете, в котором даже сейф остался с давних времен. Его магазин всегда получал самые свежие и редкие продукты с базы, которыми Соколов торговал из-под прилавка или «из-под полы» — то есть не пуская их в свободную продажу, а придерживая для нужных людей.

Соколов в ответ на их просьбы — кому на свадьбу, кому на юбилей или семейный праздник — одаривал (за деньги, разумеется) деликатесами: одному балычок, другому ветчинку, третьему анчоусы, четвертому финский сервелат. Та же самая картина наблюдалась и в других гастрономах, например в «Смоленском» в конце Старого Арбата. Все было похоже, только фамилия тамошнего директора была иной. Какой? А не все ли равно, таковы были правила игры, система взаимоотношений, если хотите.

Чтобы стать клиентом Соколова, нужна была рекомендация от проверенного человека — это было привычное дело. «Я от Ивана Ивановича» — расхожая фраза и, одновременно, рекомендация того времени, означающая «блат». Блат — это пропуск к дефицитным благам и товарам посредством неформальных контактов. Пришедших в кабинет к Соколову новых посетителей он встречал не то чтобы небрежно, а с некоей едва уловимой усталостью в глазах от постоянных усилий доказывать людям, что кем бы они ни были, это не они для него, а он для них существует — один такой в Москве. На столе директора всегда лежала высокая пачка визитных карточек для демонстрации широты его клиентуры. Естественно, что бытовых проблем у Соколова не было ни с чем — ни с дефицитными билетами на хоккей, в театр, на концерт. Жена его носила редкое имя Флорида, и служила она не врачом поликлиники (как супруга партийного начальника столицы Виктора Гришина), а директором магазина «Подарки» в начале улицы Горького. Торговля дефицитом стала семейным бизнесом Соколовых.

Юрий Соколов и был подлинным хозяином жизни в Москве, не зря же его продуктовый клондайк расположился почти напротив Моссовета, обозначавшего номинальную народную власть в городе. Директор гастронома, разъезжавший на «мерседесе», поднялся на такую недосягаемую высоту, падение с которой было весьма болезненно. Слишком уж вызывающе демонстрировал он собственную значимость, ибо на «мерседесах» в те годы позволяли себе ездить преимущественно медийные фигуры — Владимир Высоцкий,

Сергей Михалков, Андрей Миронов. А тут — торгаш какой-то (словечко ушедшей эпохи). Это было нетипично.

Возможности у «торгашей» были безграничны. Как-то в середине 1970-х годов произошел такой случай. Член Политбюро товарищ Пельше ехал себе спокойно по Рублевскому шоссе на «членовозе», пока вдруг его не обогнал какой-то наглец на иномарке. А обгонять правительственные кортежи тогда, как и сейчас, было весьма опасно. Пельше приказал остановить машину и проверить документы у водителя. Оказалось, что за рулем сидел сын заместителя директора одного из гастрономов Москвы, предъявивший работникам ГАИ спецталон (аналог мигалки, дававший огромные привилегии его обладателям). В результате расследования установили, что спецталоны выдавал по дружбе всем этим «гастрономам» один из руководителей московской госавтоинспекции.

Работники торговли были основными объектами критики в том же журнале «Крокодил», подвергаясь обструкции за обвес, обсчет покупателя, хамское к нему отношение. В некоторых московских магазинах первое, о чем спрашивали молодого выпускника торгового техникума, было: «Воровать умеешь?» — «Нет? Научим!» И учили довольно быстро, как, в частности, заработать на мокром сахарном песке. Ставишь мешок в пятьдесят кило на ночь в таз с водой, а утром его на продажу: мокрый сахар весит больше. А потом люди удивлялись — почему это у них в сахарницах песок будто каменный. И как только с торгашами этими не боролись, даже народный контроль ввели, это когда группы трудящихся с предприятий приходили с проверкой в магазины. Только народные контролеры тоже люди, им тоже есть хочется.

Тот факт, что все работники торговли сплошь воруют, утверждали даже советские кинофильмы: «По-вашему, помещанскому, если человек — работник торговли, то он обязательно вор и взяточник? Что она может украсть на рынке? Это же не магазин, в конце концов!» Эти слова — из кинофильма «Гараж», и демонстрируют они непоколебимую убежденность советского человека, что магазин — скопище воров и несунув.

Юрий Соколов дорожил дружбой с Аркадием Райкиным, который в одном из своих самых популярных монологов «Дефицит» про него же и рассказывал.

После прихода к власти в 1982 году Ю.В. Андропова была объявлена кампания по борьбе с коррупцией и хищениями. В 1983 году Соколова арестовали прямо в кабинете и в наручниках провели через торговый зал. Лучшего пиара кампании против коррупционеров, якобы и создававших дефицит, трудно было придумать. К вечеру следующего дня московское «очередное» радио уже всю болтало об аресте елисеевского директора. Обвинялся Соколов во взяточничестве. Поначалу никаких показаний он не давал. Но затем стал сотрудничать со следствием, надеясь на смягчение наказания. Суд состоялся в 1984 году. Но когда судья огласил приговор — высшая мера наказания с конфискацией имущества, — Соколов был поражен. Его не спасли даже боевые награды, он был участником Великой Отечественной войны с 1941 года. Вскоре приговор был приведен в исполнение. Но продуктов от этого больше не стало.

А вот бывшие сослуживцы Соколова с теплотой вспоминают по телевизору о своем директоре. Исключительно хозяйственный был человек, прекрасный организатор, говорят они, первый приходил в магазин, открывал его, и он же закрывал. А то, что «брал», так это везде так было. И ведь не себе оставлял, а все наверх передавал. Но кому шли «взятки» там, наверху, советские люди так и не узнали. Пройдет всего лет десять, и за такие дела вместо расстрела будут раздавать ордена.

В этом доме еще задолго до Соколова любили бывать многие представители российской интеллигенции, ученые, артисты, писатели. В 1901 году здесь располагался Литературно-художественный кружок. Собирались в особняке и члены Русского охотничьего клуба, и московские купцы (некоторое время в здании был Московский коммерческий суд), а еще дом сдавался под Инженерное училище и Первую женскую гимназию. В 1900-х годах в жилой части здания жил театральный режиссер Юрий Озаровский. У него часто бывал

упоминавшийся уже писатель Алексей Толстой. Вместе с режиссером он обсуждал будущую постановку в театре Корша пьесы «Горький цвет».

С 1935 года в одной из квартир дома жил писатель Николай Островский, автор знаменитого в советское время романа «Как закалялась сталь». Известно, что в последние годы жизни писатель был тяжело болен, парализован, но продолжал писать. К этому времени относится создание Островским романа «Рожденные бурей». Писатель умер 32 лет от роду в 1936 году, что не помешало более чем через три десятка лет наградить его премией Ленинского комсомола. В 1940 году в его квартире создается мемориальный музей.

В последние годы дом этот вновь стал привлекать внимание любителей всякого рода мистики, которой так увлекалась Зинаида Волконская. В наше затейливое время вновь востребованной оказалась история о якобы водившихся здесь полтора века назад привидениях. Жила в этом доме некая старая графиня (почти что Пиковая дама), державшая в страхе своих слуг, которых нещадно пороли на любую провинность. Старуха была слаба памятью и постоянно забывала, куда прятала свои бриллианты, как когда-то Екатерина Козицкая. В пропаже она обвиняла дворню. Одна из строго наказанных за мнимый проступок служанок задумала проучить барыню и, обрядившись в белые одежды, ночью прогулялась по дому, сильно напугав все его население. Одного раза было достаточно, чтобы заставить графиню покинуть особняк со всем своим имуществом. Только вот местонахождение тайника она никак не могла вспомнить, и потому после ее отъезда привидения стали появляться в доме чуть ли не каждую ночь — ими оказались какие-то темные личности, искавшие несметные богатства. Сокровищ они не нашли, зато их самих сцапала полиция. А здание затем выставили на продажу, причем за весьма умеренную цену — кому же нужен «дом с привидениями»? Впрочем, таких историй Москва за свою многолетнюю историю знает немало...

Список литературы

Аверьянов К.А. История московских районов. М., 2005.

Адрес-календарь Москвы. М., 1874.

Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году. М., 1859.

Борсук Н.В. Ростопчинские афиши. Текст с примечанием и предисловием. СПб., 1912.

Братья Булгаковы: письма. Т. 1—3. М., 2010.

Бумаги графа А.А. Закревского. Т. II // Сборник Русского исторического общества. 1891. Т. 78.

Буторов А.В. Князь Н.Б. Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2012.

Вебер Ф.Х. Преображенная Россия. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. № 6.

Веселаго Ф.Ф. Дедушка русского флота // Русская старина. 1871. Т. 4. № 11.

Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003.

Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1903—1911.

Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.

Гиляровский В.А. Москва газетная. М., 1934.

- Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1989.
- Голицына Н.П.* Моя судьба — это я. М., 2010.
- Головина Н.И.* Зодчий «Московского модерна» // Моя Москва. 2005. № 5.
- Гурина М.* Ярославский вокзал // Искусство. 2005. № 17.
- Давид И.* Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1.
- Дашкова Е.Р.* О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1994.
- Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860—1867. М., 1992.
- Кириченко Е.И.* Федор Шехтель. М., 1973.
- Ключевский В.О.* Русская история. М., 2006.
- Константин Коровин вспоминает... М., 1990.
- Московская консерватория: От истоков до наших дней. 1866—2003. М., 2005.
- Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М., 1993.
- Муравьев В.Б.* Святая дорога. М., 1997.
- Найденов Н.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 1. М., 1903.

- Нащокина М.В.* Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М., 2005.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
- Очерк жизни светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. М., 1845.
- Путешествия по России голландца Стрюйса // Русский архив. 1880. № 1.
- Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.
- Россия под надзором: отчеты Третьего отделения 1827—1869: Сборник документов. М., 2006.
- Ростопчин Ф.В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823.
- Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972.
- Рязанцев А.* Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862.
- Снегирев И.М.* Дворцовое царское село Измайлово, родовая вотчина Романовых, ныне Николаевская Измайловская военная богадельня. М., 1892.
- Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996.

- Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2005.
- Стеллецкий И.Я.* Мертвые книги в московском тайнике. М., 1993.
- Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины 19 века. М., 1964.
- Федор Романов: путь к престолу // Культура. 2004. № 8.
- Фикельмон Д.* Дневник 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. СПб., 2009.
- Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии в 12 томах. М., 1991—1996.
- Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. М., 2005.
- Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы. М., 1988.
- 1812 год в материалах и документах. М., 1995.

Публицистика
Серия «История — это интересно!»

Васькин Александр Анатольевич

Узнай Москву

Исторические портреты московских достопримечательностей

Редактор И.В. Кулюкина
Художественное оформление: А.Б. Архутик, А.П. Зарубин
Технический редактор: И.К. Лобан
Корректоры: О.В. Круподер, В.А. Нэй

Подписано в печать с готовых файлов 25.12.2017 г.
Формат 70x90/16 Гарнитура Оффисина
Бумага офсетная
Печ.л. 31,5 Тираж 1500 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел.: (495)755-51-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru